

**Отзыв официального оппонента Корогодиной Марии Владимировны
на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук**

Анисимовой Татьяны Владимировны

**«ТИХОНРАВОВСКИЙ ХРОНОГРАФ И РАННИЕ РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
КОМПИЛЯЦИИ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

**Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

Диссертационная работа Т.В. Анисимовой посвящена важнейшим памятникам исторического содержания – хронографам, тесно связанным с иными крупными сборниками: Палеями, Еллинским летописцем, древнерусскими летописями. Объемные и разнообразные по составу сборники включают переводные тексты различного происхождения. Сохранившись в относительно поздних списках, датирующихся временем не ранее XV в., хронографы имеют гораздо более раннюю основу, неоднократно подвергавшуюся переделкам со стороны древнерусских книжников. Это заставляло исследователей неоднократно предпринимать попытки реконструкции этапов становления хронографов, и данное диссертационное исследование также сосредоточено на реконструкции и изучении этапов становления ранних русских исторических компиляций.

Основным предметом изучения для диссертанта стал Тихонравовский хронограф – исторический сборник, представляющий собой один из ранних опытов создания исторического повествования. В первой главе подробно рассмотрена история изучения Тихонравовского хронографа с XIX до начала XXI в., проанализированы основные выводы ученых и сделан акцент на открытиях в этой области последних лет: разработке О.В. Твороговым методики сопоставления текстов с источниками с помощью выделения и нумерации фрагментов текста, заимствованных из определенного источника; открытии Погодинского хронографа К.В. Вершининым; датировке и атрибуции Афанасию, монаху Иерусалимскому, ряда толковых текстов С.Ю. Темчиным и К.В. Вершининым; исследовании взаимоотношения «Речи философа» из «Повести временных лет» и древнерусских хронографов, проведенных А.А. Гиппиусом, Е.Г. Водолазким и Т.В. Вилкул. В ряду этих открытий достойное место занимают наблюдения автора диссертации: обнаружение неизвестного по другим спискам древнейшего сокращения Хроники Георгия Амартола в рукописи 1691 г. с «Брашном духовным»; исследование «Хроники Георгия Амартола». Отдельно следует отметить подробное описание тихонравовской рукописи, подготовленное диссертантом, с рядом новаторских наблюдений. Наибольший интерес имеет повторение писцом литеры Г «с молоточком», не характерное для древнерусских рукописей. До сих пор такое написание было выявлено только в болгарских рукописях XIII в. Палеографическое наблюдение позволяет Т.В. Анисимовой предположить, что часть тихонравовской рукописи с библейскими текстами, в которой фиксируется написание литеры Г «с молоточком», была скопирована со списка XIII в.

Во второй главе автор устанавливает связи Тихонравовского хронографа с иными историческими повествованиями, восходящими к Хронографу по великому изложению. До сих пор текст хронографа был известен в единственном списке – РГБ, ф. 299, собрание Н.С. Тихонравова, № 704. В результате проведения диссертационного исследования было

показано, что утраченная в основном списке вторая часть хронографа, посвященная византийской истории, сохранилась в рукописи РГБ, ф. 247, собрание Рогожского кладбища, № 253, которую автор диссертации связывает с Троице-Сергиевым монастырем. На основе текстологического и лексического анализа ключевых фрагментов («реперных точек» по терминологии диссертанта), Т.В. Анисимовой удалось доказать связь текста Тихонравовского и Рогожского списков и предположить, что в Рогожской рукописи сохранилось продолжение Тихонравовского хронографа, посвященное византийской истории.

Третья глава посвящена библейской части хронографа и связи хронографов с хронографическими Палеями. Диссертант привлекает для сопоставления значительное количество памятников, прослеживая взаимоотношение статей с целью реконструировать не сохранившиеся общие хронографические источники текстов. Для интерпретации, предложенной Т.В. Анисимовой, существенную роль играют недавно открытые памятники, включающие неизвестные ранее хронографические статьи: Погодинский сборник конца XV в. (РНБ, собрание М.П. Погодина, № 967) и «Брашно духовное» 1691 г. (РГБ, ф. 895, Владимирское собрание духовных книг, № 36). Наблюдения автора основаны на текстологических сопоставлениях, а результаты реконструкции воспроизведены на стеммах. Сложный состав хронографов, включавших значительное количество статей, по-разному отразившихся в дошедших до нас списках, заставляет диссертанта вводить в реконструкцию значительное количество гипотетических звеньев, существование которых обосновывается исключительно историей текста.

Отдельная, четвертая, глава посвящена хронографическим статьям, связанным с историей Иосифа Прекрасного. Среди них диссертант обнаруживает заимствования из толкований Афанасия, монаха Иерусалимского, на послание Климента Смолятича, в меньшей степени – из самого послания. В хронограф выписки вошли в значительно отредактированном виде. На основании сходства редакторских принципов и характерного для Афанасия Иерусалимского внимания к родословию Богородицы, отразившегося также в хронографе, диссертант атрибутирует Афанасию Иерусалимскому историю Иосифа Прекрасного в составе хронографа. Согласно предположению С.Ю. Темчина и К.В. Вершинина, Афанасий Иерусалимский трудился в конце XII – начале XIII в., что позволяет Т.В. Анисимовой датировать тем же временем не только данную часть хронографа, но и архетип Толковой Палеи Коломенского типа.

В последней, пятой главе рассмотрен состав «протохронографа», в который, по мысли диссертанта, наряду с Восьмикнижием и Книгой Царств сокращенной редакции входила также история Иосифа Прекрасного. Поскольку последнюю диссертант связывает с именем Афанасия Иерусалимского, этому же автору атрибутирован весь «протохронограф». По предположению Т.В. Анисимовой именно эта библейская компиляция именовалась в древнерусской книжности «Хронографом по великому изложению». Таким образом, начальный этап формирования Тихонравовского хронографа, как и Толковой Палеи, отнесен диссертантом к концу XII – началу XIII в. и связан с деятельностью древнерусского (а не болгарского, как предполагалось некоторыми исследователями) книжника.

В Заключении автор диссертации подводит итоги исследования и указывает двенадцать реконструируемых хронографических компиляций, лежащих в основе

сохранившихся до наших дней текстов. Основным результатом исследования стала интерпретация взаимоотношения предполагаемых (реконструируемых) и реальных хронографических компиляций.

К достоинствам диссертации следует отнести то, что автор основное внимание уделил библейской части хронографа – наименее изученной до настоящего времени. Диссертант успешно применяет методику, использованную О.В. Твороговым при изучении хронографов, вводя нумерацию фрагментов текста в зависимости от их источника, что позволяет исследователю сопоставлять пространные тексты по многим источникам. Изучение «реперных точек» – отдельных статей, игравших ключевую роль при формировании хронографических компиляций, позволяет диссертанту сосредоточиться на важнейших этапах в истории текста. Основным инструментом исследования для диссертанта является текстология, что дает возможность показать общие места различных хронографических компиляций, определить этапы редактирования текстов и, с опорой на взаимоотношение текстов, выстроить историю формирования Тихонравовского хронографа.

Сложность темы, к которой обращалось не одно поколение исследователей, не позволяет решить все вопросы в одном исследовании. Это обуславливает то, что несмотря на большой объем работы, сделанной диссертантом, результаты исследования вызывают ряд вопросов и замечаний.

Некоторые выводы диссертанта плохо согласуются между собой. Так, наблюдения над палеографическими особенностями Тихонравовского списка и использованием в нем литеры Г «с молоточком» приводят диссертанта к выводу, что вся библейская часть рукописи восходит к антиграфу XIII в. (с. 33), а утверждение, что подобные особенности не встречаются в древнерусских кодексах, а известны только в болгарских рукописях (с. 31-32) заставляет предполагать, что вся библейская часть Тихонравовского хронографа списана с болгарского оригинала. Это не согласуется с одним из основных выводов диссертанта о том, что вся работа по формированию протохронографа, архетипов и антиграфов хронографических компиляций велась древнерусскими книжниками (с. 323–325): «процесс зарождения на Руси исторической литературы происходил силами и средствами самих древнерусских книжников» (с. 325).

Другой вывод диссертанта – о причастности Афанасия, монаха Иерусалимского, к созданию «протохронографа», представляется недостаточно обоснованным. Древнерусская литература по большей части анонимна, так что книжники, известные по имени, неизбежно вызывают желание исследователей выяснить, не принадлежат ли их перу иные произведения, остающиеся анонимными. Однако, учитывая компилятивный характер древнерусской литературы, при котором основным методом создания нового текста было соединение фрагментов более ранних сочинений, для доказательства авторства недостаточно продемонстрировать текстологическую или тематическую близость двух текстов. Атрибуция требует доказательств того, что вторичный текст не мог быть скомпилирован никем иным на основе более ранних сочинений. Между тем, авторство Афанасия Иерусалимского в диссертации устанавливается на основе использования составителем хронографа фрагментов послания Климента Смолятича, в котором были «устранены эпистолярные признаки», и на отсутствии «ссылок на авторство Климента Смолятича и в том же духе защиты родословия Богородицы, усиленной

добавочными комментариями» (с. 264–265). В диссертации не рассматривается вопрос, мог ли иной книжник переделать в нужном ему духе послание Климента Смолятича с толкованиями Афанасия. Между тем, поставить этот вопрос необходимо, учитывая, что атрибуция Афанасию Иерусалимскому приобретает в диссертации значение ключевого вывода. Она затрагивает не просто один из текстов хронографа – историю Иосифа Прекрасного, но влечет за собой атрибуцию Афанасию всего протохронографа, отождествляемого соискателем с Хронографом по великому изложению (ключевым памятником в изучении русских хронографов) (с. 309). Произведение Афанасия, по мысли диссертанта, лежало «в основе архетипа Толковой Палеи» (с. 326), что позволяет не только датировать концом XII – началом XIII в. один из важнейших этапов в создании русских хронографов и Толковой Палеи, но и связать его исключительно с деятельностью древнерусских книжников: Толковая Палея «не могла восходить к болгарскому оригиналу, что ставит точку в полемике вокруг происхождения этого памятника» (там же).

Сосредоточившись на реконструкции гипотетических звеньев, Т.В. Анисимова недостаточное внимание уделила сохранившимся до нашего времени спискам исследуемых памятников. Вероятно, это объясняется тем, что рукописи с хронографическими текстами, датируются временем не ранее XIV в., а в большинстве своем – XV–XVI вв., в то время как диссертанта интересует более ранняя эпоха. Однако такое невнимание к истории рукописей, их происхождению и бытованию, употребляемым в них терминам, влечет за собой ряд вопросов.

Так, диссертант отождествляет «протохронограф» с «Хронографом по великому изложению», который в такой формулировке упоминается в трех рукописях XV–XVI вв. (с. 282). Памятник неоднократно привлекал внимание исследователей и до сих пор отождествлялся с сокращением Хроники Георгия Амартола (с. 49–50). Изменение концепции, предложенное в диссертации, существенно влияет на выводы о взаимоотношении русских хронографических и библейских компиляций. Учитывая важность выводов о том, что кроется за этим названием, возникает вопрос о происхождении необычной формулировки в названии: «по великому изложению», которая, как кажется, отсылает к некоему более раннему, «великому», историческому сочинению. Если принять гипотезу диссертанта о том, что Хронограф по великому изложению – это собрание разрозненных текстов, заимствованных из разных источников, то название не получает объяснения.

Другое яркое самоназвание, упоминаемое в диссертации – «митрополичье Бытие» – также не получает объяснения. Так указал свой источник переписчик конца XV в. Троицкого хронографа. Важно было бы определить, в казну какого митрополита могли входить упомянутые библейские книги, однако этот вопрос в диссертации не ставится.

Если этапы формирования хронографических компиляций датированы в диссертации на основании косвенных данных, то вопрос о месте, в котором шла основная работа над библейскими и хронографическими компиляциями, по большей части проигнорирован. В первую очередь это касается деятельности книжников из Великого княжества Литовского над хронографическими компиляциями. Между тем, важнейшие рукописи, на которые опирается диссертационное исследование, происходят из рутенских земель: сам Тихонравовский хронограф, все три списка Иудейского хронографа (имеющего ряд сходных мест с Тихонравовским хронографом), а также два толковых сборника (БАН,

45.11.16; и Вильнюс, Институт литовского языка, без инвентарного номера, Торжественник триодный и минейный) происходят из Великого княжества Литовского. В том же регионе (в Слуцке) переписана еще одна рукопись, играющая ведущую роль в исследовании – Погодинская. Происхождение рукописей приводит диссертанта к выводу о том, что «Рогожский хронограф может восходить только к какому-то списку ТХ-АР, переместившемуся в новгородско-псковские земли, а не к ТХ-АН – бытовавшему вплоть до XVI в. в западнорусской контактной зоне» (с. 67). Между тем, следует поставить вопрос о том, где проходило формирование хронографических компиляций, в какое время и каким образом хронографические сборники оказались в Великом княжестве Литовском, какова роль рутенских книжников в формировании тех текстов, которые лежат в основе изучения хронографов, в настоящее время воспринимаемых исследователями как результат трудов русских книжников.

Наконец, часть замечаний касается построения самой диссертационной работы и ее оформления. Текст диссертации не свободен от некоторых повторов (например, при характеристике основных выводов Е.Г. Водолазкина на с. 11 и 43) и орфографических ошибок. Диссертация изобилует десятками сокращений, которые в значительной мере затрудняют понимание изложения. Методологической ошибкой является то, что в формулировке задач диссертации (с. 13–14) заложены те результаты, к которым намерен прийти диссертант: «доказать отражение в Рогожском хронографе ... текста», «доказать существование конвоев», «обосновать гипотезу создания Афанасием Иерусалимским ... протохронографа», и подобные. Задачами исследования может являться изучение текстов, определение их взаимоотношений, но данные формулировки показывают намерение исследователя прийти к априори задуманному результату.

Основные выводы диссертации проиллюстрированы стеммами на с. 224. При этом диссертант вводит лишь две градации: «сохранившиеся памятники» и реконструируемые. К первым исследовательница относит как рукописи (такие как Погод. 967, Барс. 619), так и выделенные из состава крупных исторических памятников тексты (такие как «Речь философа» или «Повесть временных лет»). Однако конкретный список и выделенный исследователем текст (часто также являющийся результатом реконструкции) имеют разное значение, что должно быть наглядно отражено на стемме. На с. 414 приведена цветная стемма, включившая наблюдения над 24 текстами в 21 компиляции, из которых лишь одна представлена рукописью, а остальные являются результатом реконструкций. Стемму можно воспринимать как произведение искусства, но сложно использовать как исследовательский инструмент, учитывая отсутствие пояснений и расшифровок к ней. Особенно удивляет пустой сегмент в нижней части стеммы, оставленный без обозначений, но ставший источником Барсовской и Полной хронографической Палеи.

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку работы. Избранная тема имеет актуальный характер. Выводы автора диссертации основаны на широком привлечении и анализе рукописных и опубликованных источников. Структура работы логична, изложение последовательно.

Исследование основано на письменных источниках. Привлеченные источники вполне репрезентативны для раскрытия заявленной темы.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений. Выводы автора обоснованы и представляют собой существенный вклад в историческую науку. Основные положения

диссертации опубликованы в печатных трудах. Содержание и структура диссертационного исследования адекватно отражены в автореферате.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Таким образом, диссертационная работа «Тихонравовский хронограф и ранние русские исторические компиляции: источники и методы исследования» соответствует критериям п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Научно-исследовательского отдела рукописей
Библиотеки Российской академии наук

М.В. Корогодина

Официальный оппонент – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник, руководитель
Научно-исследовательского отдела рукописей
ФГБУН Библиотеки Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая линия, д. 1
+7 (812) 3283592
ban@rasl.nw.ru
Корогодина Мария Владимировна

